

Дина РУБИНА: «Человек сложнее электроники»

■ МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Продолжаем цикл публикаций авторского проекта журналиста Александра Жабского «Мое поколение». В прошлом году в этой рубрике уже выступили известный питерский писатель Александр Мелихов, популярный певец Валерий Леонтьев, президент Национальной федерации психологов наш земляк Михаил Решетников, лидер партии «Демократический союз России» Валерия Новодворская.

А сегодня на вопросы нашего коллеги отвечает знаменитая писательница, на редкость талантливая и обаятельная рассказчица, автор новой книги о Ташкенте и ташкентцах «На солнечной стороне улицы», только что удостоенной первой литературной премии «Радио Букер», Дина Ильинична РУБИНА.

— Вспоминаете ли вы прошедшее не в связи с событиями личной жизни? Если да — то что именно?

— Но мы всегда вспоминаем прошедшее в связи с опытом личной жизни! Мы смотрим на мир из глубины своего существа — какая уж тут объективность! А если вы и вспоминаете петушок на палочке, так потому, что бабушка его принесла в честь главного события жизни — постижения букв! А известие о снятии Хрущева с поста генсека у меня связано с запахами земли и дынь — в тот момент мы с подругами сидели на кочке и упивались украденной с бахчи дыней.

— К чему в прошлом больше тяготеет ваша душа?

— Нет, я не люблю прошлое. Так — отдельные минуты, часы... Люблю вспоминать путешествия, иноземные города, где мне было хорошо. Во всем остальном... у меня всегда сжимается сердце при мысли об ушедших людях.

— Подпадали ли вы под чье-то человеческое влияние (в том числе и творческое) и насколько сильно?

— Подпадаю под влияние книг, если это можно назвать человеческим влиянием. И очень ненадолго: я человек критического склада. Но в моей жизни есть бесконечное множество людей, книг и произведений искусства, которыми я восхищаюсь, о которых готова долго говорить.

— К чьему мнению вы сейчас прислушиваетесь? А к чьему и не хотели бы, да приходится?

— Есть в моем близком окружении несколько человек, чье мнение о моих делах и поступках меня волнует — по самым разным причинам. В остальном... Я ведь уже, как говорится, старый молодой писатель и все свои ошибки, все проступки творческого и нравственного толка не только ясно вижу сама, но и страшно казнию себя за них.

— С кем и с чем вы считаетесь охотно?

— С близкими, с семьей. С друзьями. Главное — с родителями, которые занимают большое место в моей жизни.

— А скрепя сердце?..

— Существует миллион явлений, с которыми я считаю себя скрепя серд-

Дина Рубина всегда запоминает мгновения счастья

це — в основном с церемониалом человеческих отношений. Надо ответить человеку на письмо, надо явиться на очередное идиотское мероприятие — застолье, свадьбу, юбилей, тусовку, чтобы не обидеть друзей, знакомых, родственников...

— А с отвращением, но девать-ся некуда?..

— С тем, что от меня не зависит. Например, от меня не зависит поведение властей. А я никогда не со-

— Когда у вас была последняя любовь? Какая она по вашему ощущению: последняя в жизни или будут еще?

— Ну что вы! Я повторяю: я Дева, человек «при галстук», неужто вы полагаете, что я вот сейчас вывешу список своих «любовей», да еще крестиком отмечу — эта последняя, эта предпоследняя, а эта — предполагаемая в будущем... Все свои личные переживания ин-

«Неужто вы полагали, что я вот сейчас вывешу список своих «любовей», да еще крестиком отмечу — эта последняя, эта предпоследняя, а эта — предполагаемая в будущем...»

вершаю политических эскапад — темперамент не тот, склад натуры иной. То есть лишена возможности как-то адекватно реагировать на безобразия. Остается отвращение — как форма гражданской позиции.

— Как вы преодолеваете одиночество? Или даже не пытаетесь его преодолеть? Если так, почему?

— У меня в жизни острый дефицит одиночества! Я не только НЕ преодолеваю его, но упиваюсь каждой редкой выпавшей минуткой одиночества.

— С какого времени вам стало интересней быть с собой, нежели с другими людьми?

— Очень давно. Боюсь, что это вообще — доминанта характера, тут высокомерие или самоупоение ни при чем. Просто я абсолютный и классический интроверт, вынужденный жить жизнью экстраверта.

ощущения, которые он принес. Приказывала себе: запомнить!

Помню такой один вечер. Мне лет восемь, сестре — три. В Ташкенте выпал снег — густой, настоящий, медленными хлопьями валит, валит. Мама посадила нас обеих на санки и повезла. И вот, помню, я сижу вытянув ноги, обхватив обеими руками маленькую сестру. Подбородок щекочет ворс ее меховой круглой шапки. Мама бежит в гору, смеется, оборачивается... Снег валит, валит... И я вдруг говорю себе: запомнить это навсегда — мама румяная, смеется, тащит санки, изо рта — облачко пара... Так и запомнила. И много у меня в «альбоме памяти» таких снимков, сделанных моим внимательным воображением в самых разных возрастах. Что это, если не прощание с жизнью сызмальства?

— Есть ли для вас в жизни что-то непознанное?

— Сколько угодно. В жизни, в мире великое множество самых фантастических явлений. И я смирилась, что не прокачусь на запятках всех трамваев. К тому же, если те или иные запятки очень понадобятся, их ведь можно вообразить — на что же моя профессия?

— Что сейчас способно доставить вам настоящую радость, а что — огорчение и печаль?

— Вот я не зря стараюсь уйти от таких, поставленных ребром, вопросов. Сначала ведь надо условиться, что есть «настоящая радость». Вкусный обед в замечательном ресторане в Сорренто, с видом на залив, в котором дремлет огромный парусник, в обществе близких друзей, с которыми не виделась больше года, беспорядочный, шуточный разговор с ними под хорошее вино — это «настоящая радость»? Или ненастоящая? То же касается и огорчений. Вот ты бывала в этом городе когда-то в юности, помнишь несколько улиц, была здесь счастлива. Приезжаешь спустя тридцать лет и не можешь найти даже тени того восторга, того юного счастья. Понимаете, человек сложнее электроники.

— Какие предметы материального мира сейчас имеют для вас значение, а какие — нет?

— Все, что может нести на себе отпечаток времени и вот этого самого материального мира, который основа духовного, радует мое сердце. Я с удовольствием брожу по блошиному рынку где-нибудь в городе Бремене, чтобы за пять евро купить серебряную вилочку для поддевания шпрот, которые никогда не ем. Вот я буду трогать ее, владеть ею и думать, кто и когда держал ее в руках...

Все, что облегчает жизнь — от центрального отопления до удобных поездов, — имеет для меня серьезное значение.

— Когда вы поняли, что ваше дело не имеет абсолютной значимости в вашей жизни?

— Никогда еще не поняла. Мое дело для меня не только имеет абсолютную значимость, но от того, как оно, то есть работа, на данный момент идет, зависят мое настроение, здоровье, отношения с близкими, просто сама жизнь.

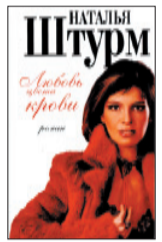
Беседовал
Александр ЖАБСКИЙ

■ КНИЖНАЯ ПОЛКА

Н. Штурм
Любовь цвета крови

2006 г., 352 с.

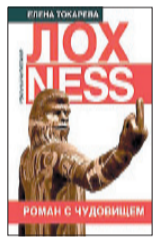

Первая книга известной певицы. Динамичный роман, полный страстей и обид, потаенных желаний и страхов, побед и поражений.

Она — звезда шоу-бизнеса. Он — преуспевающий бизнесмен, мужчина ее мечты, давно и безнадежно женатый. Армия гадалок и колдунов, яркие огни казино, безнаказанная жестокость — это лишь малая часть преград, встающих на их пути к счастью. За свою любовь она борется как может. И однажды понимает, что ждать больше нечего и терять тоже.

Е. Токарева
Loxness. Роман
с чудовищем

2006 г., 384 с.

Крупный издательский дом «разводит» двух раскрученных авторов на создание в кратчайшие сроки двух новых бестселлеров, обеща-

ющая каждому из них в случае удачи стать обладателем премии «Русский бестселлер» в 1 миллион долларов. Гламурного писателя Елисея издатели отправляют на необозримый срок в засекреченный санаторий для российской элиты, а проще говоря, в сумасшедший дом... Кассандра Забияки — автор популярного романа «Жизнь на Рублевке» — получает задание проникнуть в Серебряный Бор, устроиться на работу к кому-нибудь из сильных мира сего и написать о своих приключениях.

...Уже через две недели становится ясно, что они нечаянно вступили в новую жизнь и уже никогда не вернуться в свой обычный мир.

Л. Улицкая
Даниэль Штайн,
переводчик

2006 г., 528 с.

Мудрая старуха, обитающая среди книг и молчания. Озлобленная коммунистка, доживающая свой век в израильском приюте.

Сорокалетняя американка, душа которой искалечена воспоминаниями. Немка, ради искупления вины своего народа работающая в христианской общине под Хайфой. Большая политика и частная жизнь. США, Израиль, Польша, Литва, Россия. А в центре этого разрозненного и все же отчаянно единого мира — еврей, бывший «крот» в гестапо, бывший партизан, ныне католический священник. Человек, чья жизнь объясняет, как люди живы до сих пор, как не утопили себя в ненависти и боли. Человек, который до последнего дня оставался милосердным солдатом.